

Нередки случаи, когда в рамках одного контекста (или в ближайшем текстовом окружении) встречаются перифразы разных времен. Подобные текстовые фрагменты, являясь репрезентацией языка СМИ, зачастую полемически заострены и не лишены эмоциональности: *Когда-то Беларусь называли страной замков, а сейчас это страна руин* («Сон в зимнюю ночь – о привидениях, Гольшанах, Multivan» // Автопортал ABW.by, 28.01.2009); *«королевский город» Гродно и сегодня является уникальной архитектурной жемчужиной Беларуси...* (BELARUS.by). Попутно заметим, что образность, эмоциональность перифраз весьма успешно эксплуатируется в языке СМИ с определенными прагматическими целями: *Hyundai Solaris, Kia Rio или Volkswagen Polo Седан? Рассмотрим еще одного серьезного конкурента, задуманного в стране сыров и вина, собранного в стране драников, озер и цветущих васильков – в Беларуси* (сайт «АвтоМалиновка», 21.05.2016).

В перифразах языка СМИ оживает история: сталкиваясь с миром перифраз, говорящий получает доступ к огромному информационному потоку, зачастую экстралингвистической природы. Например, Ивье в текстах СМИ предстает как *столица белорусских татар, столица белорусских мусульман, столица веротерпимости, маленький Иерусалим, маленький Стамбул: Ивье называют «маленьким Иерусалимом», «столицей белорусских татар», местом, которому в наследство достался богатый пласт истории и культуры* («Ивьевский край», [belsmi.by/archive/article/32252](https://belsmi.by/archive/article/32252), 08.12.2015); *Наше Ивье остается негласной столицей белорусских татар, которые известны на всю республику своим трудолюбием...* (<https://www.sb.by>, 29.01.2014). (Оказывается, татары появились в Беларуси более 600 лет назад по приглашению великого князя Витовта (1397 г.) с целью охраны границ Великого Княжества Литовского, и как раз в Ивье сохранилась мечеть, которая была единственным работающим мусульманским храмом в советское время).

Перифрастический фонд языка СМИ, как и любого другого языкового образования, по нашему мнению, уникален в силу его многоуровневой организации как хранилища информации. Он обладает долговременной и кратковременной «памятью» на любом временном срезе. Это та сфера языка, в которой синхрония неотделима от диахронии. Перифразы как знаки времени снова и снова оживают в текстах СМИ и позволяют современным коммуникантам успешно взаимодействовать друг с другом, а также постоянно обогащать перифрастический корпус новыми функциональными единицами.

**Т. Ф. Кузенная** (Калининград, Россия)

#### РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ «ЛЮБОВЬ» В РАЗНОЖАНРОВЫХ ПАМЯТНИКАХ ПИСЬМЕННОСТИ КОНЦА XIV – СЕРЕДИНЫ XVII в.

Лингвокультурный концепт «любовь» является ключевой аксиологической категорией, формирующей мировоззрение русского народа: он организует православную картину мира носителя древнерусского языка, связываясь

с рядом других основополагающих категорий христианства. В памятниках древнерусской письменности конца XIV – середины XVII в. прослеживаются эволюционные изменения в структуре рассматриваемого концепта, связанные с переходным этапом в становлении национального мировоззрения.

Термин *концепт* используется в культурологии для обозначения некой ментальной сущности, функция которой состоит в сосредоточении компонентов знания о культуре в сознании человека. Ю. С. Степанов называет концептом «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [1, с. 43]. Данными фактами объясняется его сложная многоуровневая структура. Так, современный культурологический подход представляет термин *концепт* в когнитивно-прагматическом аспекте. Такое сложное многоуровневое образование, как концепт, является синтезом различных пластов культурного опыта человечества. Он образуется взаимодействием различных по своей природе начал, таких как метафорическое, аналитическое, синкретическое. Характер культурологических категорий подчас оказывается феноменальным. Следовательно, структура концепта оказывается нечеткой. В памятниках древнерусской письменности рассматриваемого периода концептосфера «любовь» образована взаимодействием категорий «Человеческое» и «Божественное». Способы репрезентации данного концепта в древнерусской письменности рассматриваемого периода находятся в логической связи с особенностями моделируемой в древнем сознании картины мира и специфики ее ориентации. Так намечается определенным образом структурированная система аксиологических категорий, в рамках которой доминантой выступает божественное начало в жизни субъекта. Особое место занимают такие характеристики Божьей любви, как сила и постоянство. Принципиальное отличие любви Бога к человеку состоит в неизменности данного состояния и пребывающей в нем вечной энергии. Так, слова Послания апостола Павла цитируются в Диоптре Филиппа Пустынника: **Пророцьствія во, – рече, – ұпразднѣтѣ и разуми престануть, любовь же николи же не отпадает**<sup>1</sup> (Диоптр. Филипп. XV). Следовательно, любовь определяется как божественное по своей природе не допускающее разумного толкования явление, выступающее обязательным компонентом сознания человека. Роль данного компонента состоит в раскрытии существенных особенностей внутреннего бытия субъекта. Условием реализации данного компонента служит связь субъекта с миром вечным, принципиально отличным от существующей в сознании человека реальности. Отсюда дефиниции данного понятия отмечены семантикой времени и пространства: **Любовь его безмерную воспринять** (Расск. о см. Пафн. Бор.). **Такоже де и царь, великия власти по достоянню присных же вѣрует и любитъ вовеки** (Александр.). Разум человеческий принципиально отличен. Его характеризует такое свойство, как ограниченность, состоящая в невозможности познания природы категорий трансцендентального порядка. Следует отметить, что рационалистический подход в древнерусской литературе возникает в конце XV века. Теоцентрическая картина мира постепенно

---

<sup>1</sup> Примеры из древнерусских текстов цитируются по изданию «Библиотека литературы Древней Руси» [4].

сменяется антропоцентрической. В центре внимания при этом оказывается сам субъект познания – человек. Так, представления о человеческой сущности есть представления о взаимодействующих началах, устремленных к единению и достижению целостности. Категория «любовь» репрезентируется через категорию целостности.

Например, в «Повести о Петре и Февронии Муромских» суть понятия «любовь» выражается посредством репрезентации христианской идеи супружества, изложенной в Евангелии: **БУДУТ ДВА ОДНОЮ ПЛОТЬЮ, ТАК ЧТО ОНИ УЖЕ НЕ ДВОЕ, НО ОДНА ПЛОТЬ** (Мф., XIX, 5). Примечательно, что лексема *любовь* применительно к отношениям между мужем и женой в рассматриваемом тексте не употребляется. Для раскрытия идейно-философского содержания понятия «любовь» следует обратиться к христианскому пониманию категории единства. В памятниках древнерусской письменности старшего периода акцентируется внимание на едином характере человеческой сущности, которая включает в себя связанные между собой Дух, Ум и Плоть. В парадигме земных благ Ум занимает главенствующее положение и имеет своей функцией управление. Он есть «голова» (вершина), но все три рассматриваемые сущности находятся в движении до соединения с высшим Благом, до воссоединения с Богом. Не случайно в произведениях древнерусской письменности подчеркиваются такие качества людей праведных, как целомудрие, любомудрие, чистота и братолюбие.

Последующий период характеризуется изменениями, произошедшими в сознании народа. Религиозная составляющая вступает в сложные отношения с фактами внешней действительности, которая анализируется и познается все более посредством разума. Рациональный подход определил специфику отношения к действительности, отразившуюся в письменности данного периода. Необходимо отметить, что следствием коренных изменений, произошедших в сознании людей, явился процесс «индивидуализации». Безусловно, этот процесс имеет непосредственное отношение к произведениям литературы. Д. С. Лихачев отмечает индивидуализацию на уровне жанра и стиля. Быт проникает в литературу, в сугубо церковные произведения и, можно сказать, становится своеобразным героем [2, с. 14]. Отсюда столь популярный жанр бытовой повести, так широко представленный в литературе конца XV в. и более позднего периода. В XVII в. возрастает личностное начало в литературе, происходит рост индивидуального авторского начала. Процесс индивидуализации, ставший тенденцией в развитии древнерусской литературы, обнаруживает свои черты в большей степени в литературе XVII в. Благодаря внешним, а особенно внутренним конфликтам, в произведениях постепенно возникает динамичность, представленная в оппозиции статичности предшествующих произведений. Рассматривая систему признаков данного концепта, мы можем установить некоторые принципы его определения. В текстах интересующего нас периода существительное *любовь* формируется такими коллокациями, как *истинная*: **ТО ЕСТЬ ИСТИННАЯ ЛЮБОВЬ, КТО ПОЛОЖИТ ДУШУ ЗА БРАТА СВОЕГО** (Пов. Тим. Влад.), *духовная*: **ИСУСОМ ХРИСТОМ, ПРИШЕДШИМ В МИР СПАСТИ, ДА СОТВОРИШИ МИ ЛЮБОВЬ ДУХОВНЮ** (Пов. Тим. Влад.), и **вскоре изучиша божественнаго**

писания, и того ради иноцы его возлюбиха духовную любовию бысть же чтець божественнымъ книгамъ (Пов. папе Григ.), великая: И живяше он с нею великою любовию (Пов. Карпе Сутул.), равная: Никако же, человеце, занеже до всѣхъ любовь моя равна (Пов. о споре жизни и смерти), нелицемерная: Имей чада, истинную правду и любовь нелицемерную ко всемъ... чевосамъ не любишь, того и другу не твори (Домостр.); божия: безо лжи любовь божию сотворити и тамо идти (Пов. Тим. Влад.).

В древнерусском языке XI–XIV вв. наличие достаточного количества определений существительного *любовь* свидетельствует о его многозначности. Любовь божественная занимала одну из главных позиций в ориентированной по вертикали картине мира славян, вершиной которой был Бог. В более поздний период понятие «любовь» проникает в личную сферу человека, характеризуется как через призму понятия «Бог», так и через призму понятия «человек».

Вместе с обширным процессом индивидуализации, охватившим главным образом сознание человека, происходит «индивидуализация» любви. Можно полагать, как замечает Д. С. Лихачев, «что любовь, как судьба человека, индивидуализируется, часто становится его вторым бытием, отделяется от самого человека, персонифицируется» [2, с. 49]. Этим, в частности, объясняется наличие такого признака в семантике данного слова, как *сила*. Как элемент психологической сферы, эмоциональная универсалия «любовь» оказывается неподвластной субъекту.

Своеобразным условием для обретения высшего Блага выступает целомудрие супругов. Это особый характер связи ума, являющего собой сущность духовную, и плоти, раскрывающей сущность телесную. Так, в «Повести о Карпе Сутулове» восхваляется разум целомудренный, ибо он есть истинный, ведущий к жизни праведной: **И похвали еє целомудреннии разум, яко ... таковыє любви с ними не сотворила.** Речь в данном случае идет о власти сущности духовной, которая есть первичная, над сущностью плотской, которая ей подчиняется. В рассматриваемом примере целомудрие и страсть находятся в отношениях противопоставления. При этом лексема *страсть* в ряде контекстных употреблений служит обозначением понятия «любовь»: **Нѣчто, речеши, тебѣ, много разъярениѣ любовию будущаго твоего мужа, злыхъ належащихъ в законехъ звѣздныхъ нерадѣниемъ оставльшихъ?** (Из Троян. ист.). Подобное явление свидетельствует о нарушении изначально установленной гармонии между постоянно взаимодействующими фундаментальными образованиями Духом, Разумом и Плотью. Лексема *любовь* содержит в своем компонентном составе семы со значением ‘содействие’, ‘соединение’.

В. В. Колесов считает, что в переводных текстах XIV века любовь связывается, в первую очередь, с верой и надеждой [3, с. 67]. Согласно христианским понятиям устанавливается семантическая близость: ‘верный’ – ‘верующий’ (ср.: *благочестивый* – ‘истинно верующий, праведный’). Данная лексема образует синонимический ряд с такими лексемами, как *святой, праведный, блаженный*.

Содержание концепта «любовь» раскрывается, главным образом, через восходящее еще к древнегреческому пониманию любви как привязанности, благосклонности, милости. Здесь интерес представляет семантическая близость лексем *милость* и *любовь*. В психолингвистическом аспекте данные лексемы объединяются наличием в своем составе эмоции особого рода: жалости, сострадания. Лексемы *милость* и *любовь* имеют общий семантический компонент, который определяется как 'содействие', 'соучастие', поскольку обязательно наличие так называемого объекта, к которому направлено особого рода чувство. Так, *милость* определяется как 'сочувствие'.

В польском языке *lubić* 'любить, симпатизировать', то есть 'иметь чувство по отношению к кому-либо, чему-либо', ст.-чеш. *lúbati* 'любить, целовать', современное *milovat* 'любить, миловать'. Глагол *milować* в польском языке имеет значение 'любить, лелеять, миловать'. Литовское *mylėti* означает 'любить' (испытывать чувство по отношению к человеку), а *liuõbti* – 'кормить, чистить'.

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют о взаимодействии семантических полей, образованных концептами «любовь» и «милость», и наличии сходных элементов смысла в данных концептуальных пространствах. Связь с понятием «милость» обнаруживается в целом ряде лексем с корнем *-мил-*, представленных в русских говорах: *милаш* 'любовник'; *миловать* 'любить'; *милок* 'любимый человек, возлюбленный'; *милка* 'возлюбленная, возлюбленный'; *милёна* 'любимая девушка, возлюбленная'; *милешенько* 'ласково, с любовью'.

Итак, рассматриваемая лингвокультурная категория занимает особое место в системе сознания древних славян, представляя собой ценности религиозно-нормативного порядка. Несмотря на эволюционный характер концепта «любовь», обусловленный постоянным изменением психологического состояния субъекта и характеристики его личной сферы посредством теологических категорий, понятие «любовь» остается потенциально избыточным, поскольку обнаруживает способность к формированию новых уровней в своей структуре.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд. – М. : Яз. рус. культуры, 1997.
2. Лихачев, Д. С. Величие древней литературы / Д.С. Лихачев // Библиотека литературы Древней Руси / Рос. акад. наук, Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. – СПб., 1997. – Т. 1 : XI–XII вв.
3. Колесов, В. В. Древняя Русь: наследие в слове : в 5 кн. / В. В. Колесов. – Добро и зло. – СПб., 2001. – Кн. 2.
4. Библиотека литературы Древней Руси [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.pushkinskijdom.ru/>. – Дата доступа : 25.06.2016.

## Список сокращений

Александр. – Александрия (Сербская Александрия).  
Диоптр. Филипп. – «Диоптра, или Душезрительное зеркало» Филиппа Пустынника.

Домостр. – Домострой.  
Пов. папе Григ. – Повесть о папе Григории.  
Пов. Карпе Сутул. – Повесть о Карпе Сутулове.  
Из Троян. ист. – Троянская история.  
Пов. Тим. Влад. – Повесть о Тимофее Владимирском.  
Расск. о см. Пафн. Бор. – Рассказ о смерти Пафнутия Боровского.

**Т. Ю. Собко** (Калининград, Россия)

## НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ПОБУЖДЕНИЯ В ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ (на материале русского и немецкого языков)

Социальная реклама привлекает внимание к общественно значимым проблемам, транслирует социально одобряемые модели поведения и влияет на ценностную систему общества. Многоаспектность данного феномена осложняет его дефиницию, на наш взгляд наиболее содержательную трактовку предлагает А. Б. Белянин, рассматривая ее как «форму массовой коммуникации, содержательной основой которой является информация о социальных проблемах общества, адресованная большой массе людей, с целью стимулирования их гражданской, социально одобренной активности в русле традиционных для данного общества нравственных ценностей, чем обеспечивается его способность к саморегуляции, обусловленной требованиями развития социума» [1, с. 21–22]. Характерными чертами социальной рекламы, отличающими ее от других видов массовой коммуникации, являются направленность на улучшение благосостояния общества, некоммерческая основа создания и распространения, яркое выражение идеи благовидности или неблаговидности объекта рекламирования, использование способов речевого воздействия, что предопределено стратегической рациональностью рекламной деятельности.

Речевое воздействие «представляет собой особым образом организованную деятельность, направленную на изменение картины мира реципиента с целью воздействия на его мотивационную сферу» [2, с. 7–8]. А. Н. Солодовникова выделяет в социальной рекламе в качестве способов оказания влияния на реципиента убеждение, внушение и побуждение [3, с. 8]. Для нашего исследования особый интерес представляет побуждение, потенциал воздействия которого оценивается исследователями неоднозначно. Однако в нашем случае необходимо принять во внимание дискурсивные особенности рассматриваемого типа рекламы, так как «релевантная социальная реклама подразумевает наличие директивной иллокутивной силы» [4, р. 71]. Данную точку зрения поддерживает Л. А. Андросова, подчеркивая, что «функциональное различие между социальной рекламой и другими формами обращения общества к своим членам связано с режимами повелительного наполнения, требующего от них исполнения, но с разной степенью настоятельности» [5, с. 82]. Данные рассуждения позволяют нам рассматривать побуждение как структурно-содержательную основу социальной рекламы.